

Низкий, бархатный голос Янь-вана, усиленный уникальным 3D-стереодинамиком тёмного супертонкого телефона из Царства мёртвых, звучал прямо-таки зловеще.

Ши Сяо не знал, смеяться ему или плакать. «До чего же этот Янь-ван упрям, прямо как ребёнок. И совсем не похож на холодное, отстранённое, недоступное божество, каким я его представлял».

— Простите, — улыбнулся он ему. — С самого детства, со школы, я думал, что боги, духи и призраки — это просто сказки. Не знал, что вы на самом деле существуете. А я... мне всю жизнь так не везло, я постоянно на краю смерти оказывался, умирать не хотелось, вот я и...

Читая досье Ши Сяо, Янь-ван уже не злился, а теперь, слушая, как тот мягким голоском серьёзно оправдывается, и вовсе едва сдержал улыбку. Но, вспомнив, что этот малыш осмелился проигнорировать его сообщение...

Янь-ван холодно перебил:

— Пиши в WeChat.

Ши Сяо: «...»

Зачем писать в WeChat, когда они стоят друг напротив друга? Неужели у Янь-вана и вправду не всё в порядке с головой?

Но даже если так, послушаться он не смел. Поэтому Ши Сяо покорно сказал: «Ага», — достал телефон, открыл WeChat и начал быстро печатать.

Янь-ван:

— Голосовым.

Ши Сяо: «...»

«Тяжёлый же ты, барин».

Пришлось стереть набранное, поднести телефон ко рту и прошептать:

— Я раньше не знал, что вы на самом деле есть. Потому что мне с детства так не везло, а умирать я правда не хотел, вот и сказал так. Простите, я больше не буду.

— Ну простите же меня, ладно?

Янь-ван слушал этот мягкий, молочный кроличий голосок, смотрел, как Ши Сяо поднимает на него глаза — жалобно, умоляюще — и чувствовал, как сердце его тает.

«Ладно, не стоит с таким малышом и считаться».

Он слегка кашлянул, поднёс телефон ко рту и холодно изрёк:

— Чтобы в последний раз.

Ши Сяо был в полном отчаянии, но, видя, как серьёзно Янь-ван играет в эту игру «WeChat лицом к лицу», пришлось продолжить. В микрофон он сказал:

— Да, я понял. Больше не посмею.

«Ну вот, другое дело».

Янь-ван в третий раз протянул руку, чтобы потрепать Ши Сяо по голове.

Но Ши Сяоту на этот раз не замер, а, напротив, поднял на него взгляд и мягко, ласково улыбнулся.

Лицо у него было милое, детское, щёчки чуть пухлые, носик мягонький. А когда он улыбался, его круглые, как полная луна, глазки превращались в полумесяцы — очень умилительно.

Янь-ван даже опешил:

— Ты меня не боишься?

— Боюсь? — Ши Сяо тоже удивился, а потом снова улыбнулся. — Конечно, боюсь. Но я же уже умер, а ты меня вернул. Я знаю, что ты хороший.

Янь-ван: «...»

За тысячелетия Янь-ван снискал себе славу холодного и безжалостного. Впервые в жизни ему вручили «карточку хорошего человека». Чувства были противоречивые.

— Закрой глаза.

Ши Сяо моргнул:

— Зачем?

Янь-ван молча смотрел на него ледяным взглядом.

Ши Сяо покорно закрыл глаза. Через мгновение он почувствовал, как слегка прохладная ладонь Янь-вана коснулась его висков. И тогда в сознание хлынул бурный поток воспоминаний.

Он вспомнил, как совсем маленьким его на руках носили приёмные родители, и они втроём ходили в парк.

Вспомнил, как потом родители потеряли работу, открыли маленькую забегаловку, дело пошло на лад, а ему везло всё меньше и меньше — несчастья преследовали одно за другим.

После реформы здравоохранения лечение стало платным, и счета за здоровье маленького Ши Сяо стали главной статьёй расходов в и без того небогатой семье, окончательно добивая её. К тому же, на родине Ши Хао была куча бедных родственников, которым время от времени нужно было помогать, — жили впроголодь.

Потом приёмные родители уехали на юг работать — тяжёлым трудом добывать деньги.

Маленький Ши Сяо горько думал, что это он тянет семью ко дну. Поэтому, даже когда родители уехали, а дядя с тётёй стали притеснять его, он всё терпел, изо всех сил стараясь выжить, вырасти.

Его самой большой мечтой было заработать много-много денег, открыть для родителей закусочную на самой оживлённой улице города А, нанять лучших поваров, взять несколько

официантов.

Чтобы им больше не надо было никуда уезжать, ни над чем трудиться — сиди себе за кассой, листай дружескую ленту, смотри видео и считай выручку.

Поэтому, едва окончив школу в восемнадцать, Ши Сяо один отправился на заработки.

Но такому полурёбенку-полувзрослому без образования разве легко деньги доставались?

Мыл посуду в столовках, стоял за кассой в супермаркете, таскал цемент на стройке... Потом услышал, что артисты много зарабатывают, и махнул в киногородок Н.

Три года был статистом.

Несчастья не отставали: подрывался на пиротехнике, на него падали тросы, однажды даже столкнулся с оружием, заряженным боевыми патронами... Чуть-чуть — и не сносить бы головы.

Мало того что не везло — так ещё и другие статисты, борющиеся за роли, постоянно задирали его.

Но, хотя боли и обид хватало, радостей тоже было немало.

Даже просидев три года в массовке, он зарабатывал куда больше, чем на других работах. Сыграть трупа, получить побои — уже несколько сотен в карман. А если улыбнётся удача и достанется роль со словами — вообще красота.

Ши Сяо был доволен.

Жил в самой дешёвой комнатухе в общежитии, носил вылинявшие джинсы, голод утолял булкой с водой. А если выдавался особенно удачный день, баловал себя блинчиком — да с двумя яйцами! — и мог наслаждаться им полдня.

Когда съёмки не было, крутился на площадке, помогал то одному, то другому. Хотя благодарности видел мало, но иногда слышал «спасибо», ловил благодарный взгляд — и на душе становилось тепло.

А самое счастливое было вечером, забравшись под тёплое одеяло в своей камере, уткнуться в телефон и пересчитывать нули на банковском счету.

Один, два, три, четыре.

С каждым новым нулём Ши Сяо кусал угол одеяла от восторга, аж заснуть не мог от переполнявших его чувств.

Прямо маленький Гобсек.

Хотя малыш и был жаден до денег, скупердяем не был.

Кто из знакомых в деньгах нуждался — одалживал без раздумий. Увидит на улице ящик для пожертвований Красного Креста — все деньги, заработанные за день, туда и отправит.

Под конец каждого месяца Ши Сяо бережно переводил весь остаток со своего счёта на карточку приёмных родителей.

Те, тронутые сыновним почтением, деньги принимали, говорили: «Приберём, тебе потом на невесту».

Ши Сяо в такие моменты лишь хихикал в трубку, не говоря ни слова. «Я же маленький, щуплый, ни капли мужественности. Какая хорошая девушка за меня пойдёт?» — думал он.

Мечтал: вот пройдёт несколько лет, денег накопится — и откроет для родителей магазинчик.

Тогда уж они заживут спокойно.

Так, то неудачно, то обидно, то радостно, то счастливо, протаскался Ши Сяо в массовке больше двух лет. Пока не встретил Сюэ Сэня.

В его сердце Сюэ Сэнь стал самым лучшим человеком после приёмных родителей.

И поэтому всему, что тот говорил, Ши Сяо верил.

Сюэ Сэнь говорил, что будет защищать его всю жизнь.

Заботиться о нём всю жизнь.

Любить его всю жизнь.

Ши Сяо верил этому по-детски наивно. Хотя напрямую и не отвечал, но уже всерьёз размышлял о том, чтобы прожить с ним бок о бок всю жизнь.

Но он никак не мог предположить...

В груди у Ши Сяо резко заныло.

Было очень, очень горько.

Он моргнул — и две крупные, прозрачные слезы скатились по щекам.

Янь-ван понимал, что тот плачет, вспоминая о Сюэ Сэне. Но он никогда не сталкивался с такими хрупкими, «водянистыми» созданиями, которые готовы разрыдаться по любому поводу. От этого плача у него внутри всё сжималось.

Неловко он вытер пальцем слёзы в уголках глаз Ши Сяо:

— Не плачь.

Но не успел он утешить, как Ши Сяо разрыдался ещё сильнее.

Янь-ван: «...»

Он чувствовал себя как неопытный отец, впервые оставшийся с младенцем, которого никак не удаётся успокоить. И это сводило его с ума.

«Как вообще могут существовать такие слабые, милые и невероятно докучливые создания?»

Янь-ван явился в мир людей с двумя целями: во-первых, разобраться с подлецом и заново провести перепись по Книге заслуг, а во-вторых — помочь Ши Сяо, по ошибке хлебнувшему отвара Мэн По, восстановить память.

Ну и заодно посчитаться за то «убирайся».

<http://bllate.org/book/16255/1462130>